

Александр Брыксенков
Андрей Брыксенков

ТАЙГА У ДОМА

Александр Брыксенков
Андрей Брыксенков
Тайга у дома

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42224135

ISBN 9785449656742

Аннотация

Эта книга не сборник новелл. Эта книга – коллекция реальных событий (иногда курьёзных, иногда драматических, иногда таинственных), случившихся в одном из глухих углов лесного Затихвинья, где автор прожил более 15 лет, будучи участником или свидетелем этих событий.

Содержание

Андреев угол	5
Багульный морок	14
Болотная хозяйка	21
Весна священная	27
Ганины змеи	36
Дедушка из тьмы	42
Детский плач	49
Дивные картинки	56
Дорога к храму	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Тайга у дома

Александр Брыксенков

Андрей Брыксенков

© Александр Брыксенков, 2019

© Андрей Брыксенков, 2019

ISBN 978-5-4496-5674-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Андреев угол

Власти ввели продовольственные талоны. В Ленинграде начались перебои с хлебом. Реально потянуло голодом. А это очень серьезно.

Барсуков знал, что такое голод, поэтому, засев в деревне, он первым делом засадил огород с упором на картошку, морковь и лук. А вторым делом стал интенсивно заготавливать все съедобное, что произросло в полях и лесах, от крапивы и зеленого горошка до ягод и грибов. Все это добро солилось, сушилось, мариновалось.

Когда он стал собирать плоды черёмухи, что густо росла по берегам Черной речки, то народ удивился: что с ней делать? Барсуков знал, что с ней делать.

В предуральской степной деревне Климихе, куда он с мамой был эвакуирован во время войны, сушеная черемуха коптировалась очень высоко.

А как же её не ценить если ни черники, ни голубики, ни брусники, ни малины в округе близко не росло. Правда была земляника и клубника. Но эта же ягода так, полакомиться, в прок-то её не задействуешь. И плодовые деревья не росли: зимой морозы зверствовали. А черемухи было много. Её сушили, толкли и делали из черничной муки начинку для сладких пирогов, варили кисель, смешивали с мукой и пекли вкусные лепёшки.

Барсуков засушил около трёх литров черёмуховых ягод, наполнил ими полотняный мешочек и повесил его над печью.

Рыбаки принесли весть о том, что в Андреевом углу вызрела брусника. Самарцы тут же возбудились и уже следующим утром пол деревни двинулось по бруснику. Жители Самар за соляниками в дальние ельники, за клюквой на Юфе-

ровское болото, за брусникой в глухой Андреев угол всегда ходили большим коллективом: и весело, и зверь не подойдет. А зверья в лесах было полно. И рыси, и россомахи, и волки, ну и медведи, конечно. Уж этих медведей егеря отстреливают по две, три штуки в год, а их популяция все не уменьшается.

Вернулись ягодники часам к четырем. Усталые, но довольные: отоварились брусникой по полной. Теперь-то будет чем зимой полакомиться. Камарцы варенья из брусники не варили: сахара не было. Для сохранности на зиму ягоду топили в русской печи. Брусника, помещённая в глиняные муравки, за ночь выпаривалась в печи почти наполовину, превращаясь в мармеладообразную субстанцию, которая не портилась до весны.

Новоселы, соседи Барсукова, Юленька и Виктор, очень городские люди, увидев такое брусничное изобилие, несказанно возбудились и обратились к нему с жаркой просьбой:

– Алексей Георгиевич! Расскажите нам как добраться до этого брусничного места. Мы решили завтра по утрунке махнуть туда.

– Ребята, это ж не близко. Километра четыре. Лесами да болотами.

– Ерунда. Преодолеем. Вы только маршрут нам нарисуйте.

– Хорошо.

Барсуков взял лист бумаги и карандашом стал вычерчивать маршрут, давая при этом пространственные пояснения:

– Бродом пересечете Черную речку и по тропинке подниметесь на взгорок. Дальше тропинка поведет вас через красивый лес, где на белых мхах произрастают симпатяги-боровички, ближе к осени – розовые волнушки.

– Не забыть взять фотоаппарат, – обратился Виктор к жене.

– Метров через восемьсот тропинка упрется в заброшенную дорогу, пробитую в свое время мелиораторами. Здесь нужно повернуть направо и двинуться по дороге на север.

– А, что в лесу делали мелиораторы?

– Копали большие канавы, чтобы осушить «Медведя».

– А, что такое «Медведь»?

– Так местные называют большое болото за Черной речкой... В оплывших колеях вы обязательно увидите оранжевые шляпки подосиновиков. Пока будете идти по дороге наберете грибов на хорошую жарёшку.

– По дороге долго нужно идти?

– До тех пор пока не упретесь в громадные корни поваленного бурей дерева. В этом месте от дороги отходит влево тропа. Она идет через хмурый лес, в котором кроме серушек ничего не растет. Тропа выведет вас как раз к «Медведю». Через болото натоптана хорошая дорожка. Кстати, у вас есть резиновые сапоги?

– А как же. Чать не на курорт ехали.

– Обязательно в них обуйтесь. В болотах полно воды, ну и змей в лесах больше, чем достаточно.

– А, что за змеи здесь водятся?

– Черные и серые гадюки... Старики ещё гундосят про каких-то летучих гадах, но по-моему – это сказки. Форсировав «Медведя», вы выйдете к широкой канаве идущей на север. По кромке этой канавы вы будете идти до тех пор по-

ка не достигнете межевого столба. Здесь перпендикулярно канаве отходит просека. Вот в пространстве между канавой и просекой и расположен Андреев угол. Маршрут понятен? Есть вопросы?

– Маршрут понятен, вопросов нет. Пройдем как по Невскому.

– У вас есть компас?

– Нет.

– В тайгу без компаса ни на шаг. Вмиг заблудитесь.

Барсуков снял с гвоздя свой компас и повесил его на шею Виктору.

– Если собьетесь с пути, заблудитесь, то идите по компасу точно на юг. Обязательно выйдете на шоссе Шугозеро – Пашозеро. Да, вот еще что. Возьмите с собой спички или зажигалку. Когда придете на место, обязательно разведите костер. Положите в него пару валежин. Пусть дымят.

– Зачем?

– Чтобы зверь не подошел. Там место глухое.

С утра Барсуков занялся огородом. Когда он пропалывал свеклу, то увидел, что вдоль ограды в сторону Черной речки прошли Юля и Виктор с пластмассовыми, цветными ведерками в руках.

За делами и заботами незаметно прошёл день, и только вечером, когда стало садиться солнце, народ обеспокоило отсутствие молодой пары: Обеспокоился и обратился к Бкрсукову:

– Алексей Георгиевич, куда это вы отправили наших новоселов?

– В Андреев угол.

– Что-то их долго нет. Не случилось ли что-нибудь?

Быстро наступили сумерки. Решили, что на ночь глядя в лес нет смысла переться, а начать поиски следует с рассветом. Тем не менее группка из трёх мужчин, вооружившись мощным фонарям, перешла Чёрную речку и, перемещаясь по ночной просеке, стала подавать звуковые сигналы. Но тщетно. Тут же позвонили в милицию. Сообщили о пропаже двух человек.

Рано утром почти вся деревня скорым шагом устремились в Андреев угол. Дошли быстро и быстро обнаружили красное и синее пластмассовые ведерки с небольшим количеством брусники в них и два брошенных рюкзака. У канавы чуть дымил почти потухший костёр.

Покричали, поаукали, а затем, забрав брошенные вещи, поспешили в обратный путь, чтобы, прибыв в деревню, инициировать планомерные поиски пропавших силами милиции, лесников, егерей, волонтёров.

Однако, поисковая операция была не нужна. Из Шугозера сообщили, что потерявшиеся ягодники находятся в поселковой больнице.

Юлю в руку ужалила змея, и Виктор на себе вынес жену к шоссе. Юля получила дозу антидота и находится под наблюдением врача, а над Виктором хлопочет кардиолог. После психических и физических перегрузок у него забарахлило сердце. Состояние обоих пациентов удовлетворительное, оба идут на поправку.

Барсуков переживал. В некоторых кочках, на которых росла брусника (да и черника тоже) водились змеи. Местные жители всегда, прежде чем оббирать подозрительную кочку, стучали по ней палкой, спугивая тем самым возможную реп-

тилию, а Барсуков, когда инструктировал ленинградцев, забыл сказать им об этом.

Но больше всего он корил себя за то, что не отговорил не адаптированных к местным условиям соседей от посещения тайги без проводника. Ведь в лесу может случиться все, что угодно: от банального перелома ноги, попадания в трясину или в охотничий капкан, до встречи нос к носу с хищником. а то и с Хозяйкой.

Багульный морок

Все десять лет, что прожил Барсуков в Камарах, ходил он в лес, чаще всего, один и без оружия. Даже нож не брал из-за его бесполезности: если медведь навалится – никакой нож не спасёт. Хотя бабки бояли байки, что дед Харитон, медведя в малиньяге шапкой прибил. Брал дед малину, и вдруг перед ним медведь. Харитон по-автомату сорвал с себя шапку и шлёпнул косолапого по голове. У того от внезапности и от испуга случился сердечный приступ. Короче протянул

мишка лапы. Ну это так, байка.

Лес – это мир. Имеются в виду не пригородные рощи, не искусственно созданные дубравы, а кондовая на сотни километров необитаемая тайга. Именно такой тайгой и был Вепсский лес. Водилась в нём разная живность. В том числе опасные для человека медведи, волки, рыси, россомахи, ну и змеи, конечно.

По первости Барсуков боялся в одиночку далеко заходить в лес. И зверья полно, и заблудиться – раз плюнуть. А заблудишься, то и не выйдешь: до самой Ояти ни дорог, ни поселений. Однако, очень скоро, страхи утихли. После беседы с заядлым лесовиком Юрой Перепрыговым, который всегда ходил в лес в одиночку, осмелел Барсуков.

Что ж такое убедительное сказал ему лесовик? А сказал он совершенные языческие глупости о том, что лес – это живой организм, что к нему нужно относиться уважительно, и он не выдаст.

– Когда я вхожу в лес, то всегда наклоняю голову и говорю: «Здравствуй лесик. Это я. Как твоё здоровье?» И всё. И мы друзья. Вот и ты говори что-нибудь уважительное. Лесу это нравится.

– Брось, Юра. Это какое-то шаманство.

– Шаманство не шаманство, а срабатывает.

– А как же лесорубы. Уж как они лес обижают и ничего.

– Почему ничего? А сколько их гибнет а лесу, сколько спивается, сколько в катастрофы попадает. Ты думаешь это просто так?

Поверил Барсуков бывалому Юре и стал при посещении леса произносить разные ласковые слова. И тьфу-тьфу, не сглазить, ничего неприятного с ним в лесу не происходило. Мелочи-то, конечно, случались. То ногу подвернёт, то в речку ухнет, то клещ вопьётся. Ну так лес – не Невский же.

В то утро засобирался Барсуков на Дальние болота за голубикой. Ягода там вызревала крупная да обильная. Вроде всё было нормально, но какое-то волнение ощущалось в душе, какое-то беспокойство, вроде предчувствия чего-то нехорошего.

«Может не ходить в лес? – подумал Барсуков. – Что-то сегодня нет особого желания переться в такую даль, да ещё по солнцу».

Но красивое утро, ласковый ветерок и желание отовариться ягодой притушили тревогу и ягодник, закинув рюкзак за плечи, борзо зашагал через покосы к дельному лесу, с большим ведром в руке.

По лесной дорожке, а затем по тропам дошёл Барсуков через час до кромки Дальних болот. Стояла обычная болотная тишина. Даль была затянута легкой дымкой.

Он переходил с одного болота на другое, но ягода была мелкая и брать её не хотелось. Шастал он не зря. Попалась всё-таки болотина с полноценной ягодой. Ведро стало быстро наполняться.

Солнце палило нещадно. А как от него укроешься на болоте. Кое-где жидкие сосёнки. И всё. Духота стояла неподвижная. И дурман багульника.

У Барсукова стала кружиться голова. Он присел на сухую кочку, чтобы отдохнуть. И то ли он задремал, то ли морок напал, но сизая даль болота стала сужаться. Она сужалась медленно, неуклонно пока не превратилась в овал, окружённый какой-то серостью. В овале как из тумана стали проступать очертания женщины.

«Никак Болотная хозяйка пожаловала?» – вяло прореагировал мозг на болотное виденье. Барсуковым овладело полное безразличие к происходящему. Он спокойно наблюдал как виденье обрастало объёмами, превратившись наконец в полуобнажённую женщину.

Женщина улыбнулась и поманили ягодника. Тот встал с кочки и медленно поплёлся вперёд. Но сколько бы он не шёл, женщина не становилась ближе.

Вскоре Барсуков почувствовал, что мох под его ногами колеблется, а впереди появились «глазки» маленьких озёрков.

«Так это ж трясина, – промелькнуло в его голове. – Я ж погибну!»

Сознание мгновенно вернулось к нему. Тяжёлой, как чугунной, рукой он перекрестил виденье, и оно стало исчезать. Затем распался овал и перед Барсуковым открылась болотная даль с блёстками «глазков». Он торопливо повернулся и пошел обратно.

Солнце уже стояло низко над горизонтом. Нужно было торопиться, чтобы до темноты добраться до дома. Барсуков огляделся, чтобы определить, где же он находится. Болото

было совершенно незнакомое. И ведро нигде не просматривалось.

«Куда же меня занесло?, – подумал Барсуков. – И как отсюда выбираться?»

Определив по закатному солнцу стороны света (компас – то он не захватил), Барсуков пошел на юг, где располагалась его деревня. Солнце зашло. Стало медленно темнеть.

Пора белых ночей уже закончилась, но света было ещё достаточно, чтобы не наткнуться на деревья. Пробиваясь через чащобы и завалы он вскоре вышел к речке.

«Это же Чёрная речка, – с радостью определил Барсуков, – Теперь до дома тридцать минут ходьбы!»

Он шёл ночным лесом и, детализируя происшествие, корил себя за то, что при заходе на болото забыл вежливо поздороваться с лесом. Вот и результат. Хотя здоровайся-не здоровайся дурманность багульника останется неизменной.

Голубичная вылазка окончилась для Барсукова благополучно. Ему повезло. А сколько бедолаг бесследно сгинуло в вепских дебрях?!

После этого случая Барсуков в одиночку в лес больше не ходил. Тем более, что в сторону Капши стали обнаруживать мёртвых мужчин. Они были раздеты, одежда – сложена в корзинку. На теле никаких повреждений. В крови алкоголь, наркотики отсутствовали. Милиция запротоколировала уже девятнадцать случаев. Медики разводят руками: «Причина смерти неизвестна».

Так и хочется продекламировать: «Красив и страшен Вепсский лес...»

Болотная хозяйка

Как он оказался у кромки болота, Барсуков не представлял. Нет, конечно. выпили много, но не настолько же. чтобы растерять друг друга. Это всё пиво виновато. Обманный напиток. Наберёшься как следует, а затем «освежишься» бутылочкой пива и всё и пошел колобродить.

Хотя в этот раз всё было наоборот. Водки употребили умеренно, но пива выпили наверное с ведро. Ну как не выпить: баня же. Причем сначала накачались пивом, а уж потом «полирнули» холодной водочкой.

Баня в деревне – это что-то языческое, берендеево. В банный день уже с утра особое настроение. Заботы: наносить воды, наколоть берёзовых полешек, натывать в парилке по углам сосновых лап, сбегать в ельник и наломать можжевельных веток на веник (березовые -то веники с вечера заготовлены), наполнить водой расположенный перед баней резиновый бассейнчик, сгонять в лавку за пивом (водка уже с вечера в холодильнике мается) и как последний штрих – букетик полевых цветов на столике в светлом и обширном предбаннике.

Барсуков жил в деревне один. Жена уехала на месяц к сыну в Молдавию. Тяготясь одиночеством, он пригласил двух приятелей- ленинградцев к себе в Камары, чтобы попариться в деревенской баньке. Те с радостью согласились.

Натопили баню знатно. Когда поддавали, каменка не шипела, а яро взрывалась жарким, сухим паром. Исхлестались всласть и дубовым, и березовым, и можжевельным веником. Казалось бы всё, хватит, но нет: страсть к процессу не увядала.

Каждый раз, побултыхавшись в холодной воде мини-бассейна, троица подсаживались к столу в предбаннике и налегала на пиво. Через открытую дверь залетали в предбанник бабочки, шмели. Очевидно их притягивал пивной дух.

Немного отдохнув, бордово-красные мужики вновь ныряли в парилку. К концу третьего часа публика наконец насытилась и, завернувшись в простыни, переместилась в избу, где уселась за стол, заставленный городскими яствами и деревенской огородной продукцией.

Задрапированные белыми тканями пирующие мужчины напоминали то ли римлян, то ли греков. Правда, в отличие от античных героев употребляли они не благородное вино, а перестроечную водку, которая заметно пахла ацетоном.

Барсуков весь продрог. Утро только начиналось. Восток вовсю розовел, обещая солнечный день. Жидкий низовой туман стлался по болоту. Вспомнив последние моменты застолья, Барсуков оглядел себя: неужели он всё еще закутан в эти дурацкие простыни. Но нет. На нем были штаны, в которых он топил баню и наброшенная на голое тело теплая куртка.

Лицо горело и зудило. Он провёл ладонью по щеке. Ладонь стала влажной от крови напившегося гнуса. Барсуков наклонился к болоту и обмыл лицо болотной водой. Стало полегче. «Ну, что ж, – подумал Барсуков, – надо идти домой», Он повернулся, чтобы пошагать обратно в деревню, но перед ним никакой деревни не было. Перед ним стояли густые ольховые кусты. А за ними высилась сплошная стена

На сердце опустилась тоска: куда это я забрёл? В тумане закричала какая-то болотная птица, ухнул филин. В округе стала настаиваться тихая жуть. И тут из-за кустов вышла девушка.

Барсуков замер от ужаса: «Болотная хозяйка!» Но ужас вскоре угас. Не походила она на таинственную владычицу болот. Во-первых, она была не голой, как положено, а одетой в джинсы и спортивную куртку. Во-вторых, лицо у неё было не задорно-игривое, а усталое и испуганное. Увидев Барсукова, она с радостным криком бросилась к нему.

Девушка оказалась дачницей из Бурмакина. Её звали Ирой. Она с подругой пошла по грибы. В лесу девушки потеряли друг друга. А затем Ира заблудилась. К вечеру, усталая, она набрела на сарай с сеном, где и заночевала. После того как Ира закончила рассказ о своих блужданиях, Барсуков отреагировал:

– Ну, Ира, я удивляюсь. И чего здесь блудить-то? Бери курс на юг. Обязательно выйдешь на шоссе Тихвин-Пашозеро, что пересекает весь Вепсский лес с запада на восток.

– Вчера было пасмурно, а компас я не взяла с собой. Где юг, где север – поди разберись.

– Тогда, конечно.

– А вы как здесь оказались?+

Барсуков махнул рукой:

– Это особый случай.

Взошло солнышко. Лес стал радостным и приветливым. Защебетали птицы.

Радость от того, что теперь они не одиноки в этом тревожном лесу, восторг от свежей утренней природы, удовольствие от лучей разгорающегося солнца – все это провоцировало на сближение. Барсуков осторожно обнял Иру, она приникла к нему. Начался процесс растёгивания джинсов.

Примерно через час после начала перемещения на юг Ира и Барсуков вышли к шоссе. Барсуков проводил Иру до Бурмакина. Там она сказала, что сегодня уезжает в Питер и дала ему номер своего телефона: «Лёша, как только приедешь в город – звони. Я буду ждать».

Только к обеду Барсуков добрался до своей избы. Его приятели уже грузили в багажник зеленый лук, салат, петруш-

ку, сельдерей, щавель, берёзовые веники. Увидев Барсукова, они радостно завопили:

– Ура! Нашелся бродяга! Где ты шастал? Мы уже тебя искать собирались.

– Да так. Прогулялся немного. Ребята, я с вами поеду.

– А как же картошка? Ты ж её окучивать собирался

.
– Окучу позже. Куда она денется?

А про себя подумал: «Какая там картошка, когда в Питере ждет меня «болотная хозяйка»?

Весна священная

Тачка разваливалась на глазах. Вчера двигун отказал. А ехать в Самары необходимо. Весна же, посевная. Придется ехать на перекладных.

Поздно вечером Барсуков с рюкзаком, набитым разной снедью, и с двумя сумками, из которых торчали ростки помидорной рассады, погрузился в вагон №5 пассажирского поезда Петербург – Архангельск.

В полутемном вагоне народу было много. И дачники вроде Барсукова, и рыбаки со своими коробами, и демобилизо-

ванные солдаты, ну, конечно же, и архангелогородцы, возвращавшиеся домой.

Барсуков свою нижнюю полку уступил милой девушке, поскольку ехать ему до Тихвина всего около четырех часов, так что особенно не разоспишься, ну, а главное – девушка уж очень милая: такой уступить – одно удовольствие.

Милую девушку провожал парень с большими растерянными глазами, похожий на поэта. Они стояли, обнявшись в проходе, а народ тактично обходил их стороной.

Парень изредка касался своими губами губ девушки, та мягко отвечала ему. Он оторвался от возлюбленной лишь тогда, когда вагон дернулся и поезд тронулся. Парень выскочил из вагона и бежал рядом с ним, махая рукой, пока не кончился перрон.

Барсуков забрался на свою вторую полку, предварительно попросив проводницу разбудить его перед Тихвином. Девушка, приготовив постель, не стала ложиться спать. Она отправилась в вагон-ресторан, чтобы немного перекусить.

Было раннее утро. Барсуков и без проводницы почувствовал, что пора вставать. Он свесил ноги и стал осторожно спускаться, чтоб не зацепить девушку. Однако напрасно

от осторожничал. Девушки внизу не было.

Барсуков заволновался: «Где же она? Может что-нибудь случилось. И спросить не у кого. Все спят. Что делать?».

Поезд подходил к Тихвину. И тут появился краснорожий тип в белой курточке. Он назвался официантом вагона-ресторана и сказал, что Валя едет с ними, и она попросила его забрать вещи. Он снял с вешалки плащ девушки, извлек из под полки её чемодан и удалился.

Замелькали пригородные огни Тихвина. Барсуков растолкал спавшего на соседней нижней полке бородатого мужчину. Объяснив ему ситуацию с Вале́й, он попросил мужчину проконтролировать дальнейшее течение событий.

Мужчина согласился, отметив: «Здесь особо нечего контролировать. Просто девушка решила проехаться до Архангельска с комфортом. Ресторанные ребята её и накормят, и напоют, и спать уложат».

На городском автобусе добрался Барсуков до Автовокзала, который представлял собой одноэтажное здание в центре города на Советской улице.

До отправления автобуса на Шугозеро оставалось еще

полтора часа. Он решил прогуляться, тем более, что приспичило по малой, а туалет на Автовокзале был закрыт на ремонт.

Оставив рассаду под присмотр какой-то бабушки, он вышел на Советскую. Утро уже разгорелось. Появились прохожие. Он свернул на ещё безлюдную улицу Коммунаров и нырнул в недра строящегося дома. Нырнул и сразу же наткнулся на пару. Парень активно стаскивал с девушки трусы. Увидев Барсукова, девушка смущенно улыбнулась: «Извините». Искатель туалетов молча ретировался.

Нагулявшись, Барсуков вернулся в зал ожидания. Он уселся на скамейку и стал рассуждать:

«Молодцы тихвинцы. Не поменяли исторически сложившиеся названия улиц: Советская, Карла Маркса, Пролетарской диктатуры, Коммунаров и т. д. В Питере никого не помиловали. Даже Герцена с Гоголем. Теперь это безличные Большая морская и Малая морская. С какой стати морские, когда там морем и близко не пахнет.

И город переименовали. Казлы! Теперь вместо мажорного, оптимистичного Ленинграда имеем неуклюжий, мрачноватый Санкт-Петербург».

Ожидать автобус было нудно. Барсуков поднялся со скамейки и стал прогуливаться по залу, читая объявления, еще раз просматривая расписание автобусов. Но умственные процесс не прекращался.

«Конечно, любовью Петра Великого была Европа, а дорогим детищем – город на Неве, – продолжал мудрствовать наш путешественник. – Ну, разве мог он, помешанный на амстердамах, страсбургах, копенгагенах, назвать свое творение Новопетровском или Усть-Невой, или Прибалтийском. Конечно же нет! Только на европейский лад! Только Питербурх! А еще лучше – Санкт-Петербург!»

С этой кличкой город жил долго. И все же за двести лет своего существования словосочетание «Санкт-Петербург» для русских так и не стало естественным, родным. Взамен него повсеместно употреблялось жаргонное «Питер».

Изменить название города и не просто и дорого. Но Петербург нужно было переименовывать. В начале двадцатого столетия монарх поднапрягся и перекрестил город, дав ему достойное имя Петроград. Общество одобрительно отнеслось к такому событию, Вот отрывок из газеты «Слово»: «Наконец-то с немецким духом, более двух веков витавшим над нашей столицей, покончено! Ура, господа!»

Прошли десятилетия, и новые господа в преддверии трехсотлетнего юбилея града Петрова зачем-то взяли и вернули ему старую кликуху.

По этому поводу Барсуков безмерно сокрушался:

«Это сколько же потребуется времени, чтобы искусственно прилепленная к великому городу нерусская заскоружность отпала вновь? А она обязательно отпадет».

Подали автобус на Шугозеро. И поехал Барсуков под матерок уже принявших с утра лесорубов на свою фазенду, хотя до фазенды нужно было еще от Шугозера пилить десять километров.

Прибыв в Шугозеро, Барсуков снова погрузился в ожидания. На этот раз нужно было ждать рейсовый автобус Шугозеро-Харагеничи. Барсуков зашел в магазин и, купив йогурт и белый батон, поднялся на стадион, расположенный между двух холмов, заросших соснами, чтобы перекусить.

Усевшись на теплую скамью северной трибуны, он услышал под трибуной какую-то возню. Заглянув в зазор между скамьями он увидел мужика активно трахавшего женщину. Выругавшись, Барсуков поднялся со скамьи и потащился на автобусную остановку.

Рейсовый автобус подбросил Барсукова до поворота на Самары и покатил дальше. Теперь путешественнику оставалось сделать пешком последний бросок длиной в два километра.

«Да, – подумал Барсуков, – верно сказано, что автомобиль не роскошь, а средство передвижения. Хотя из автомобиля совершенно невозможно прочувствовать всю прелесть весеннего леса».

Действительно, лес был обворожителен. Стоял звон от чириканья, щелканья, свиста неисчислимых пичуг. Куковала кукушка. В лужах плавали тритоны. Бледные ветреницы покрывали кочки и пни. И воздух!

Только Барсуков добрался до своей избы, только разобрался с поклажей. как у ограды тормознул трактор с тележкой. В тележке был навоз.

В избу ввалился Вася, знакомый механизатор:

– Георгич, навоз нужен?

– Ещё как!

– Гони бутылку.

– Нет вопросов.

Вася опорожнил тележку на огороде, после чего взял у Барсукова вилы и поехал на луга, чтобы набросать из стога сена в тележку. Вскоре мимо барсуковской избы просемила на луга Нюрка. Она жила с тремя внуками. А муж её работал в Тихвине, наезжая в Самары по выходным.

Барсуков растопил плиту и поставил на неё кастрюлю с начиненной картошкой. После чего подумал: «Куда это пошла Нюшка?

Барсуков взглянул в окно, выходившее на луга. Нюрки не было видно. Растаяла в лугах. Тогда он взял монокуляр с десятикратным увеличением и провел им по горизонту. Провел и сразу же наткнулся на форменную порнографию. Вася и Нюрка, полагая, что за два километра никто их из деревни не видит, открыто занимались на сене любовью.

Барсуков убрал оптику от глаза: «Что за день? Кругом лежащие женщины. Весна, что ли. Священная».

– Алексей Георгиевич, – услышал он голос соседки, молодой дачницы. – У меня к вам просьба.

– Внимательно слушаю.

– Помогите мне шкаф подвинуть, а то одной никак.

– С удовольствием!

А про себя подумал: «Если женщина просит...»

Ганины змеи

Немигающий гажий взгляд из под тяжлвх, набркших век пугал баб, и они, при встрече с этим вщглядом, немедленно опускали глаза или отводили их в сторону. Принадлежал этот гипнотический взгляд Гане Ящике, патлатой старухе, что жила на отшибе за небольшим болотцем.

Там у неё был огород и небольшой сад из нескольких яблонь. В деревне яблони не приживались, а у Гани не только прижились, но еще и плодоносили. Правда, очень скудно, да и на вкус яблоки были не очень, но не это главное, а главное то, что по весне они обильно и красиво цвели.

Ганя с неохотой общалась с деревенским человеком, да и люд

к ней не особенно тянулся. Что-то отталкивающее было в её внешности, что-то заставляло людей настораживаться. Может быть причиной была её нелюдимость. Может, что еще.

Была она истой староверкой, как и её родители, которые держали дочь в строгости. Ни на посиделки, ни на гулянки, ни в хороводы её не пускали. Они были единственные единоличники в деревне. Как их ни уговаривали, как ни запугивали, как ни облагали немыслимыми налогами — они в колхоз ни в какую. Наконец власти махнули на них рукой, и зажили они своей праведной староверческой жизнью.

С утра до ночи карячились они вместе с Ганей на своей скромной полосе, умудряясь обеспечивать себя хлебом до нового урожая. Сажали много картошки на заброшенном поле. Окашивали, с разрешения председателя колхоза, разные неудобья на сено для коровы. Короче, изворачивались как могли.

В семнадцать лет выдали Ганю замуж за парня из соседней деревни, Яшку Клешню, тоже старовера. Он переехал жить к Гане. Колхоз выделил ему положенный пай и жизнь староверов улучшилась.

Когда началась война, парни, приятели Яшки, подговаривали его бежать от призыва вместе с ними в дебри за Юфери-

ское болото, переседеть войну, но он отказался. В военкомате Яшка заявил, что из-за религиозных убеждений, стрелять в людей он не будет и попросил военкома направить его туда, где не носят оружие. Очень странно, что в то сполошное, напряженное время, просьбу его уважили и направили санитаром в санитарный поезд. Но война подлая она везде достанет. Разбомбили немцы поезд, где Яшка санитарил. Под бомбами погиб и Яшка. Осалась Ящикха вдовицей на всю оставшуюся жизнь. Детей у неё не было.

Ганя в деревне считалась колдуньей. Почему такое мнение вызрело – непонятно, поскольку фактов её колдовства никто не мог привести. Ну ворожила она, конечно, гадала на картах очень складно, разные снадобья из трав готовила, но чтобы колдовать, то нет. И тем не менее, когда Ящикха умерла, народ в деревне вздохнул с облегчением. Видно на людей отталкивающе действовал её тяжелый взгляд.

Характерно, что никто из деревенских не позарился на Ганино добро, да и избу не тронули. Так и стояла она неприканная, постепенно ветшая и оседая. Ветры посрывали дранку с крыши и началось интенсивное гниение венцов. Вскоре не выдержала матица и рухнул потолок, обвлились стены и через десять лет вместо избы высился за болотцем холм, поросший крапивой и иван-чаем. Из зарослей торчали остатки бревен. Деревенские обходили холм стороной.

Гадюк в полях вокруг деревни водилось с избытком. Иногда некоторые из них заползали в деревню. Их тут же ликвидировали. Змеи имели серую кожу покрытую темным узором. Ученые утаеждают, что каждая змея имеет свой рисунок. Узоры на коже на повторяются.

И вдруг в деревню стали активно вторгаться черные гадюки. Их становилось все больше и больше. Мужики быстро установили, что черные гадюки ползут из Ганининой руины. Это было удивительно: откуда они там появились? Женщины решили этот вопрос однозначно: без Гани здесь не обошлось! Это она так захотела нагадить деревне.

Популяция черных гадюк росла. В поисках пищи они расползались во все стороны и активно заползали в деревню. Когда беспечная дачница, любившая гулять босиком была ужалена черной змеёй, а затем и местная девочка получила укус, от которого дого оправлялась, мужчины собрались на совещание: нужно что-то делать.

Самый умный из них предложил обратиться в эпидстанцию, чтобы прислали специалиста по отравлению змей. Предложение отвергли: платить надо. Долго думали гадали и остановились на наиболее простом и эффектном способе: облить холм соляркой и поджечь.

Чтобы не спалить деревню, окосили вокруг холма траву и окопали его канавой. Поднесли несколько ведер воды и песка.

Местный механизатор пригнал в деревню свой трактор «Беларусь». Из топривного бака слили восемь ведер солярки и оросили ею холм. Сверху плеснули бензина. После чего зажгли факел и бросили его на холм.

Полыхнуло здорово. И тут все участники операции застыли в изумлении. Из недр холма зазвучал многоголосый хрип. Это змеи вопили от страха и боли. Оказывается они не только шипеть умеют.

Солярка сгорела быстро, а деревянные элементы еще долго тлели. Потом и они притухли и над бугром вился лишь небольшой дымок. Довольные выполненной работой, участники операции вылили на холм несколько ведер воды, сыпанули песку и разошлись.

А ближе к вечеру все население деревни в панике попряталось по домам. От леса на деревенскую улицу выполз огромный черный змей с красным гребнем на голове.

Байки о таких гадах ходили по деревням. Говорили, что

они могут прыгать на двадцать метров, что они нападают на людей. но народ в эти рассказы мало верил, так как никто подобных пресмыкающихся не встречал. А тут, на тебе! В деревню приполз.

Страшная змеюга проследовала к Ганиному холму, оползла его кругом, затем свилась в кольцо, подняла высоко голову и застыла. Через некоторое время она тем же путем что и прибыла, убралась в лес. Очевидно, существовала какая-то связь между гибелью гадюжника и появлением черной змеи.

Деревенские сообщили о событии волостному начальству. Те дальше, и уже через день появилась в деревне группа ученых серпентологов. Опросив жителей деревни, ученые устремились в лес.

Больше недели лазали ученые мужи по дебрям, но безрезультатно. Не захотел Вепсский лес открыть одну из своих тайн. А тайн у него много

Дедушка из тьмы

Кроме огорода каждая самарская семья имела делянку на заливном поле у речки. По весне на делянках традиционно высаживалась картошка.

Посадка происходила дружно, коллективно. Народ заранее сговаривался и в оговоренный день высыпал на поле. В такой день в Самары приезжали даже бывшие самарцы, в свое время покинувшие деревню и ныне живущие в Шугозере и Тихвине. Деревню они покинули, но их делянки остались за ними.

В том году весна была холодной и дождливой. Теплые,

солнечные деньки наступили лишь в конце мая. В предпоследнюю майскую субботу на предварительно вспаханное поле вышли с лопатами и ведрами около дюжины огородников, прихватив с собой старух, детишек и собак.

К обеду посадочные работы были закончены. Огородники живописными группами расположились в тени высоких ив и стали отмечать завершение важного мероприятия. А как его не отметить? Ведь, посадив картошку, народ обретал уверенность в том, что голод в этом году ему не угрожает.

Правда, за посадками нужен был глаз да глаз. Поживится картофелем было много желающих. Это и колорадский жук, и кроты, и полевки, и дикие свиньи. Да и двуногих нужно было опасаться. В последние годы воровство с полей и огородов приняло невиданные ранее масштабы.

Картофель зацвел дружно, что с удовольствием отметили самарцы. Отметили этот факт не только самарцы, но и дикие свиньи. Кабанихи со своими полосатыми поросятками стали по ночам бесцеремонно потрошить лежащие ближе к лесу картофельные делянки. Народ беспокоился.

Барсуков всегда удивлялся, как могут эти практически безшерстные животные на тонких ножках выживать в сорокоградусные морозы. Все-таки, наверное, в суровые-то зимы

многие из них погибали, потому как вели они себя подобно грибам: то в один год их много, то в другой нет совсем.

В этот год кабанов было не просто много, а очень много. Правда, секачей видно не было, но самки с детенышами в открытую гуляли в виду деревни. Народ заволновался. При большой прожорливости диких свиней существовал риск остаться без картошки. Это было недопустимо.

Самарцы учредили на картофельном поле ночное поочередное дежурство. Заступавшие с вечера два дежурных разводили по углам поля по костру и в течение ночи поддерживали огонь. Дым от костров отпугивал животных и тем самым спасал урожай.

Подошла очередь Барсукова заступать на ночное дежурство. Его напарником определился шестнадцатилетний Максим, сын новоселов Крюковых.

Вечером, прихватив из дома несколько поленьев и растопку, дежурные костровые спустились к речке, к картофельному полю. Не прошло и часа, а по углам поля уже теплились костерки.

Натаскав из леса валежника (по четыре валежины к каждому костру), дежурные дождались момента, когда поленья

прогорели и образовалось много углей. На угли было положено по две валежины, которые сразу же активно задымили.

Убедившись, что процесс дымления налачился, дежурные отправились по домам, чтобы вновь встретиться у костров в три часа ночи.

Будильник разбудил Барсукова ровно в три. Выйдя на улицу и не обнаружив Максима, он двинулся к дому Крюковых. А оттуда уже метался невстречу ему узкий лучик фонарика.

Спустившись к речке, дежурные поправили костры, добавили в них по стволу и, довольные проделанной работой, собрались покинуть поле до самого утра. Перед уходом они уселись перед костром. Барсуков закурил.

Ночь была совершенно глухая. Не светились ни звезды, ни месяц, ни восточный горизонт. Казалось, выйди за круг света от костра и сразу же пропадешь. И вот из этой густой тьмы появился дедушка.

Он был невысокого роста, лысый при длинной белой бороде с суковатой палкой в правой руке. Блики костра трепетали в его озорных глазах.

Старик начал говорить как-то странным гортанным голосом. Барсуков силился понять, что старик хочет сказать, но как он не вслушивался в тихую, убаюкивающую речь, понять ничего было невозможно.

Постепенно глаза его стали закрываться. Голос старика доносился как бы издалека. Наконец Барсуков отрубился.

Когда он проснулся, восток уже начал синеть. У костра ни дедушки, ни Максима не было.

«Может быть Максим костры подправляет», – подумал Барсуков. Он поднялся, потряс головой, освобождаясь от сонного морока, и пошел от костра к костру в надежде встретить Максима. Но того нигде не было.

Барсуков вернулся обратно и решил было отправиться в деревню и объявить тревогу: «Максим пропал!», а тут пропавший возьми и объявись из темноты.

– Макс! Ты где был?

– У дедушки.

– У какого дедушки?

– Ну, у того, что к костру походил.

И Максим рассказал, как дедушка взял его за руку и увел куда-то в лес. Они в темноте дошли до избушки. Там старик зажег свечку и они при её свете отвалили от двери ствол дерева, упавшего в бурю. После этого дедушка напоил помощника вкусным чаем и отвел обратно.

– Он перевел меня через речку и сказал чтоб я дальше шел сам. На свет костров. Вот я и пришел.

В деревне ночное происшествие вызвало много разговоров. Какой дедушка, какая избушка, когда кругом в лесу на десятки километров нет жилья. Но тут приключилась грибная страда, а затем началась копка картошки и тема дедушки сделалась не актуальной. Но дедушка сам напомнил о себе.

Барсукову привезли телеграмму. Жену клали в больницу и ему срочно нужно было быть в Питере. Он вывел велосипед из сарая и стал пробиваться по раздрыганной дороге к шоссе, чтобы успеть на последний автобус Шугозеро-Тихвин.

Уже перед самым выходом на шоссе из кустов вышел старичек. Барсуков его сразу узнал. Лысый с белой бородой

и с озорными глазами.

Старичек стал говорить что-то непонятное, а Барсуков начал засыпать. Большим усилием воли он поднял окаменевшую руку и неуклюже перекрестил старика. Тот криво усмехнулся и исчез.

Барсуков хоть и был крещеным, но в бога не верил. А вот в то, что параллельно с людьми существуют какие-то другие существа стал верить безоговорочно.

Да, Вепсский лес это вам не Удельный парк.

Детский плач

Наконец наступил долгожданный черничный сезон. Долгожданный для всех, а для Дарьи – особенно. Она была в Самарах самой активной сборщицей ягод.

Черники в самарских лесах было не обобрать. Что в ельниках, что в лиственных лесах. Но наиболее обильный урожай вызревал возле Плакучего озера. Ну, не у самого озера, там было топко, а на взгорочках, окружавших его. Чем таким брало озеро – непонятно, но ягода там вызревала особенно крупная и сладкая.

Конечно, у топографов это лесное озеро называлось по другому. Плакучим его называли местные жители. И для такого названия была причина: на второй год после войны в озере утонули дети.

Ребятня стайка отправилась к озеру по ягоды. Какого лесшего потянуло девочку Маньку на топкое место? Она провалилась и стала тонуть. Брат бросился к ней на помощь и тоже провалился. Пока малышня выламывала палки, чтобы протянуть их утопающим, обоих затянула трясина.

После парни ползали по топи с баграми, но ничего не зацепили. А бабы стали говорить, что от озера исходят какие-то странные звуки, а в ненастную погоду слышен детский плач. Вот с тех пор озеро и стали называть Плакучим.

Дарья ходила за черникой как на работу. Каждый день с семи утра. Собранные ягоды она продавала предпринимателям. Сбор у неё был большой. Поскольку деляги принимали как чистую ягоду, так и ягоду с листьями, то брала Дарья чернику не руками, а специальным совком с зубьями в передней части.

Конкретно ей, при наличии коровы, овец и гусей, пенсии на жизнь хватало. Тем не менее денег ей нужно было много. Оба её сына учились в институте.

Деревенские женщины в одиночку в лес не ходили. Боялись и зверя и человека, да и леший мог закрутить, сбить с дороги. А Дарья никого не боялась и обходилась без товаров. Дойдя до черничной плантации, она разводила костер, клала в костер две валежины, которые дымили и отпугивали зверьё пока она занималась сбором. А против лихих людей болтался у нее на ремне большой нож.

Несмотря на обилие ягод у Плакучего озера, ягодники эти места посещали редко и с неохотой. Еще бы! Начисто там. Детские души маются. Дарья же к этим рассказам относилась скептически: мелют нивесть что.

Когда поскуднели ближние черничники, Дарья по утрянке направилась к Плакучему озеру. На приозерных сопочках было синё от ягод. Дарья разожгла костер положила в огонь две валлежины и пошла активно грести ягоду. Она спешила. День был псмурный. Надвигался дождь. Дарья стремилась до дождя набрать корзину и убраться домой.

Однако, набрать корзину ей не удалось. От озера что-то свистуло, забулькало, залопотало. Сначала тихо, а потом все громче. В ветвях стала настаиваться жуть.

Дарья замерла, начала вслушиваться. Озерные звуки уси-

ливались. К бульканию и лопотанию добавились короткие вздохи, похожие на всхлипывания обиженного ребенка.

Затем послышалось шипение, которое стало приближаться к Дарье. Когда за кустами затрещали ветки, она чесанула без оглядки в сторону деревни.

Она бежала стремительно, резко перескакивая через кочки, поэтому быстро выдохлась и вынуждено перешла на шаг, а затем и вовсе остановлась. Прислушалась. В лесу стояла тишина. Только шелестел в листьях мелкий дождик.

Дарья было шагнула в сторону озера, чтобы забрать корзину и совок, но передумала и поспешила домой. Прибыв в деревню она подговорила соседку и они вдвоем отправились к озеру выручать корзину с черникой и дефицитный совок.

Вечером случай с Дарьей стал предметом обсуждения для деревенских мужчин, которые собрались на лавке у Дарьиной избы.

Дед Андрей, самый старый житель деревни, начал с неопределенности:

– Вепский лес – он такой. Чего в нем только нет. И лешаки, и шишиги, а на Ояти, говорят, кикиморы водятся. Вот

и на озере какое-то чудо завелось.

– Да не в этом дело. Детки не похоронены по-божески вот и маются, – предположил недавно перехавший из Тихвина в Самары Тимофей Власов. – Нужно попа позвать. Пусть отпоет.

– Бросьте, мужики, мистику разводить, – вступил Барсуков. – Тут нужно искать естественную причину.

Дед Андрей прогундел:

– Ну, ну. Попробуй найди.

Народ замолчал, задумался. Действительно, явление труднообъяснимое.

Барсуков неуверенно начал:

– Может быть в почве есть пустоты, куда попадает озерная вода. Когда атмосферное давление падает, избыточным давлением вода выжимается из пустот. При прохождении воды сквозь узкости и рождаются всякие звуки.

– Умно, но неубедительно, – обронил Тимофей.

– Ну по другому никак не объяснишь, – отозвался Барсуков.

Дед Андрей заключил:

– А и объяснять ничего не надо. Нужно просто не ходить на озеро, не тревожить детские души.

Хотя рассуждения Барсукова слегка развеяли мистическую ауру озера, но в этот сезон наведываться на Плакучее озеро больше никто не отваживался.

И правильно. Вепсский лес – это очень таинственная территория.

Таинственная то таинственная, только не в смысле мистики, а в смысле государственной тайны. Так в урочище, которое люди называют Пороховыми, тихо функционировал тщательно охраняемый завод. За Сокольими мхами притаились в шахтах грозные ракеты.

И плачи Плакучего озера возникали по вполне материальным причинам. В озеро из подземных сооружений, созданных еще в сталинские времена и замаскированных сверху под лагерную зону,, периодически сбрасывалась какая-то жидкость. Может быть канализационные стоки, может быть

какая-нибудь химия, а может быть и радиоактивные отходы. Неспроста же вокруг Плакучего озера вызревает аномально крупная и сладкая черника.

Дивные картинки

Акварель с фото Ю. Овчинникова

Таёжная деревушка Спирково стояла на берегу реки Оять, которая протекала через весь Вепсский лес и впадала в Свирь в её нижнем течении. В этом глухом селении подолгу жил Юрий Овчинников, путешественник, джиппер и, самое главное, великолепный фотограф. В его фототворчестве основной любовью являлись пейзажные темы. Больше всего он запечатлел сельских картин, которые открывались прямо от порога его избы. Казалось бы: ну, что такое удивительное можно выжать из деревенских видов?

Овчинников выжимал. Да так выжимал, что отзывы на его

работы были исключительно восторженными: красиво, бесподобно, потрясающе... И обязательно вопросы к автору: «Где находятся эти волшебные места?», «Где вы отыскиваете такие восхитительные пейзажи?»

А мастер ничего не отыскивал. Он просто выходил из своей избы и фотографировал то, что видел: поле, лес, реку. Но поле, лес, речка были такими живописными (Вепский же лес), а фотограф настолько талантлив, что получались у него не просто фотографии, а настоящие шедевры.

У него в Интернете выложен альбом «Сказки Вепского леса». Там размещены 44 фотографии. Так из них 15 фотографий – это один и тот же вид: река, на другом берегу два густых ольховых куста, на мысу две елки и за изгибом реки, на дальнем берегу стеной стоит лес. И всё.

Но это всё снято с различных точек, в разное время суток и года. Схвачен момент оригинального освещения природы (вечерняя заря, рассвет, солнце в тучах, туманный сумрак и т.п.). С помощью фотошопа автор придал снимкам дополнительную сочность и контрастность. Поэтому зрители не замечают тождества в этих 15 фотографиях и воспринимают их как совершенно разные виды.

Конечно, не все работы Овчинникова – шедевры. Есть

и проходные фотографии и экспериментальные. Например, зафиксированный эффект освещения при наличии трех источников света: костра, луны и электроламп. Но все работы интересны.

.Барсуков не знал участвует ли Овчинников в конкурсах, но он был уверен, что если и участвует, то призовых мест не занимает. В наше время на фотоконкурсах торжествует фокусничанье, выпендривание. А тут лес, речка, просека. Кого это потрясёт?

А Барсукова потрясло! Нет, он тоже фотографировал Вепский лес, который был не хуже, чем тот в котором проживал Овчинников (деревня Самары – местопребывание Барсукова, отстояла от Спиркова на 40—50 километров южнее), но фотографии у него получались стандартные, не очень выразительные. Ну, там просека, грибная поляна, брод через речку... А у Овчинникова каждая фотография – картина Левитана и даже лучше.

Было бы очень здорово если бы Юрий издал бумажный альбом своих произведений. Скорее всего, раскупили бы такой альбом вмиг. Но поскольку подобного альбома пока ещё нет, то Барсуков занялся самодеятельностью.

Когда он впервые ознакомился с работами Овчиннико-

ва, то немедленно потянулся к акварельным краскам, с тем чтобы на бумаге запечатлеть прелесть вепских пейзажей. За очень короткое время этот дилетант прямо с дисплея скопировал несколько фотографий.

1. Зима. Вечереет. На крутом склоне голубой до неба лес весь в ииие с вкраплением нескольких заснеженных елей. Солнце еще не село. Верхняя кромка леса, освещенная закатом, розовой полосой подчеркивает вечернее настроение. Внизу перед лесом красуется баня, из трубы которой тянется белый дымок. Лепота! Чтобы было ещё лепотее, Барсуков на переднем плане изобразил трех краснотелых мужиков, барахтающихся в пушистом снегу.

2. Весна. Река. Только что прошел ледоход. На берегу нагромождение льдин. Выше стоит изба, окруженная голыми деревьями с шапкмп грачинных гнёзд. На горизонте лес. И над всем этим голубое весеннее небо с хороводом птиц. Красота! Чтобы было ещё красивше, Барсуков на переднем плпне изобразил парня с фотоаппаратом, который снимает девушку, стоящую на льдине.

3. Лето. Июльский зной. Речка вся в солнечном золоте. На противоположном берегу сочные ольхи. Ещё дальше – могучий бор до неба. С боку в речку изящно врезается узкий мыс с двумя елками. Офигеть! Чтобы было ещё офигеннее,

Барсуков на переднем плане изобразил мальчика с девочкой, которые азартно плескаются в речке.

4. Осень. Ночь. На поверхности заболоченного озера лунная дорожка, которая упирается в крупные белые цветы. На втором плане – глубоко чёрный, резной силуэт елового леса, над которым сияет яркая лунища, окруженная серебристыми пёрышками облаков. Левее леса туманные, болотные дали. Жуть! Барсуков не стал никого изображать на переднем плане. Не дай бог оказаться христианской душе в ночном вепсском лесу!

Подобных картинок Барсуков наакварелил целую стопку. Теперь, когда его приглашали на день рождения или на какой-нибудь другой юбилей, у него не возникало проблем с подарком. Он брал одну из акварелей, заключал её в рамку и преподносил юбиляру. И что удивительно: этот косолапо исполненный пейзаж, криворуким нехудожником Барсуковым оказывался для юбиляра наиболее приятным подарком.

А, что если бы данные пейзажи изобразил настоящий художник? О-о-о! Хоть маслом, хоть пастелью, хоть акварелью – подобные картины были бы прекрасны.

Потому как Вепсский лес – это Вепсский лес!!! Правда, рубить его стали нещадно. Поди сведут скоро эту красоту

при наших-то порядках.

А ещё Юрий Овчинников 15 лет руководит ежегодным международным соревнованием джиперов, трофи-рейдом «Вепсский лес».

«Трофи-рейд «Вепсский лес» – это непрерывная гонка на несколько сотен километров сложного бездорожья в течение трех суток..

Крутые глиняные подъёмы, болота, каменистые броды, русла рек, головокружительные спуски, глубокие колеи на лесных дорогах... Насыщеннее и напряжённее соревнования не найти как в России, так и в мире».

У Овчинникова имеются фотографии различных эпизодов трофи рейда. Это сплошная драма и комедия.

«Вепсский лес» пользуется большой популярностью у джиперов. Вот и в этом году на участие в трофи рейде подали заявки более 70 спортсменов. Однако соревнование не состоялось. За три дня до старта чиновники из «Ленобл-леса» запретили проведение трофи рейда. Причины запрета выдвинуты какие-то невнятные. В том числе и сетование на то, что машины царапают кору деревьев.

Господи, на дорогах гуж не рвётся от лесовозов нагруженных стволами свежесрубленных елей и сосен. Черные лесорубы оставляют после себя захламлённые делянки, на которых начинает произрастать ольха да осина. Всего этого чиновники «не видят», а вот поцарапанная кора их беспокоит.

Конечно собравшиеся на рейд спортсмены проехали по трассе, но официальных мероприятий не было. А, жаль!

Трофи «Вепсский лес»

Чудо из чудес.

Здесь завязнет бентли, сгинет мерседес.

Вепсский жуткий путь

Можно утонуть.

Джиперы не против за рулем кирнуть.

Клеи круты.

С трезвостью на ты.

Вечером ужрутся в сиську, в лоскуты.

Трофи «Вепсский лес»

Чудо из чудес.

Много здесь фанатов, но много и повес.

Вепсский жуткий путь

Может быть рискнуть
Вслед за лесовозом в колею нырнуть.

Колеи круты
Раздирает рты
Грязные как черти, злые как скоты.

Трофи «Вепсский лес»
Чудо из чудес
Если ты там не был, то туда не лезь

Дорога к храму

Церковь в Шугозере

Затихвинье – глухой, лесной край. Деревни встречаются редко. Светская культура на низком уровне, но еще ниже – духовная культура. А откуда ей быть высокой-то, если попов в Вепсский лес не дозовешься, если на весь этот обширный регион всего лишь две-три часовенки.

И вот Барсуков возрадовался. В Шугозере на красивом, высоком месте началось строительство деревянной церкви в честь иконы Казанской божьей матери. А возрадовался он оттого, что вознадеялся: если демократы наплевали на культуру на селе, так может быть батюшки потрудятся на этой ниве.

Церковка получилась очень славной, светлой, даже немного кокетливой. Её куполок с крестом, возвышаясь над Шугрдером, явно облагораживал это не очень ухоженное село. Барсуков с нетерпением ждал продолжения процесса.

Только Судаков, крепкий паренек из саратовской деревни, проходил срочную в ГДР. Он служил механиком-водителем танка. После дембеля он не вернулся в свой колхоз, а устроился алтарником в соборе.

Вика просветила Барсукова: «в обязанности алтарника входит наблюдение за своевременным и правильным возжжением свечей, лампад и иных светильников в алтаре и пред иконостасом; подготовка облачения священников и диаконов; принесение в алтарь просфор, вина, воды, ладана; разжигание угля и подготовка кадила; подавание плата для отирания уст во время Причащения; помощь священнику при совершении таинств и треб...».

Работа, как видно, не пыльная. Так и пошел Анатолий Судаков по церковной части. Он окончил сеимнарию, духовную академию, защитил диссертацию по Афону. Продвигаясь по служебной лестнице, он занимал разные церковные должности, совершал вояжи в средиземноморские страны и, наконец, оказался в Петербурге в качестве митрополи-

та Санкт-Петербургского и Ладожского Варсонофия. Владыка успешно трудился не только во благо церкви, но очевидно приносил определенную пользу и государству, поскольку был награжден орденом «Дружба». И украинцы его отметили, наградив орденом «За заслуги».

Виктор Боярский в армии не служил. Он приехал из Рыбинска в Ленинград и поступил в Ленинградский электротехнический институт. После окончания института работал в НИИ, кандидат физико-математических наук. Но это не главное. Главное – то, что он знаменитый полярный путешественник-исследователь. Одна из многих значимых экспедиций, в которых он участвовал – это «Трансантарктика», пересечение Антарктиды на собачьих упряжках.

В то время Боярский являлся директором музея Арктики и Антарктики и председателем Полярной комиссии. Хотя Виктор Ильич на пять лет старше владыки Варсонофия, но очевидно для государства он потрудился меньше последнего, поскольку награжден всего лишь одной медалью.

Вот между этими двумя красивыми, образованными, бывальными русскими мужчинами завелась контра. Добро бы из-за женщины. Здесь, как говорится, все понятно. Так нет!

В их противостоянии камнем преткновения явилось красивое, монументальное здание, расположенное в самом центре Петербурга. В этом здании с тридцатых годов прошлого столетия (уже история!) размещается популярный в городе музей Арктики и Антарктики.

Вот это-то здание и возжелал использовать для церковных нужд митрополит Петербургский. Он потребовал от властей вернуть здание музея церкви. Свое требование владыка обосновывал тем, что изначально это спорное здание было храмом, Никольской единоверческой церковью, которую на земле купца-старовера, на деньги богатых прихожан возвела община единоверцев (одно из староверческих течений).

Оказывается, как Барсуков узнал из газет, этот спор относительно собора начался не сейчас. Он длится уже два десятилетия. Чиновники никак не могут разрешить данный неоднозначный вопрос.

А для Барсукова здесь ничего спорного не было. На месте чиновников он безоговорочно оставил бы здание за музеем по следующим причинам:

1. В начале тридцатых единоверческий приход распался (аресты, лагеря, ссылки, эмиграция) здание церкви оказалось бесхозным.

2. За давностью лет не может нынешний единоверческий приход быть правопреемником стародавнего прихода. Не требуют же потомки Рюриковичей Московский Кремль, построенный Иваном Третьим Рюриковичем.

Разумеется, Барсуков не юрист и его доводы с позиции права скорее всего есть чушь последняя, но, как человек, он был абсолютно уверен в том, что музей растарабанивать недопустимо: все церкви по внутреннему содержанию абсолютно одинаковы, каноничны, поэтому одой больше одной меньше – для познавательного процесса это не имеет никакого значения, в музее же представлены оригинальные экспонаты которых больше нет нигде. Кроме того, церквей много, а музей Арктики и Антарктики – единственный в мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.